

Натали Рош

A movie poster featuring a man and a woman in a theater setting. The man, with dark curly hair and a beard, is sitting on a wooden ledge, looking down thoughtfully. He is wearing a dark grey sweater and blue jeans. The woman, with red hair tied in a bun, is sitting in the foreground, looking up at him. She is wearing a light-colored sweater. The background shows a theater stage with wooden chairs and a red curtain. The title 'Третій Звонок' is written in a stylized, hand-painted font at the bottom, with 'Третій' in orange and 'Звонок' in white.

Третій
Звонок

Натали Рош

Третий звонок

«Автор»

2026

Рош Н.

Третий звонок / Н. Рош — «Автор», 2026

Старый доходный дом в историческом центре, подвал, который теперь стал экспериментальным театром «Пятый угол». Здесь ставят то, что не влезает в рамки. Вера Крылова — театральный режиссёр. Она не смотрит сериалы и не знает имён звёзд. Артём Березин — актёр. Когда-то был звездой сериалов, но после скандала карьера пошла под откос. Теперь он играет в маленьком театре и подрабатывает озвучкой. Циничный, уставший, но всё ещё чертовски обаятельный. Вера ставит новый спектакль. Ей нужен актёр на главную роль — сложный, сломленный мужчина, который умеет молчать так, что становится страшно. Артём приходит на пробы. Репетиции превращаются в словесные дуэли. Она ломает его защиту. Он — её сценарий. Вера боится, что Артём играет слишком хорошо. Артём боится, что Вера видит слишком много. Что реальнее — роль или чувство? И можно ли отличить одно от другого, если играешь слишком убедительно? Что делать, когда понимаешь, что твой партнёр по сцене стал партнёром по жизни, а занавес ещё не опущен?

© Рош Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Дневник Зои	5
Глава 1. Пробы, которые пошли не по сценарию	7
Глава 2. Как сорвать первую репетицию за одиннадцать минут	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Натали Рош

Третий звонок

Пролог. Дневник Зои

Кафе «Три кита» существовало уже двенадцать лет. За это время здесь сменилось три владельца, два интерьера и бесчисленное количество официантов. Но Зоя осталась. Она пришла сюда девятнадцатилетней студенткой, которая искала подработку на лето, и как-то незаметно для себя превратилась в женщину тридцати одного года, которая знала всех постоянных посетителей по именам, по заказам и по тому, как они ссорятся.

Кафе было небольшим: кирпичные стены, деревянные столы, полки с книгами, которые никто не читал, но которые создавали уют. В дальнем углу стояло старое пианино — на нём иногда играл какой-то парень, который приходил раз в месяц и всегда заказывал только воду.

Бариста звали Марк, это был двадцатилетний парень с дредами и вечным наушником в ухе. Он варил лучший кофе в городе и никогда не записывал заказы, потому что запоминал всё.

Зоя вела дневник. Не потому, что хотела стать писательницей. А потому, что заметила однажды: люди приходят в кафе не только за кофе. Они приходят, чтобы поговорить. Признаться. Расстаться. Влюбиться. И иногда Зоя была единственным свидетелем этих маленьких драм. Она записывала их. Коротко. Без имён. Просто чтобы помнить.

В тот день — серый, дождливый, обычный — в кафе вошли двое. Мужчина был высоким, темноволосым, в мокрой куртке. Он отряхнулся у входа, и Зоя отметила, что он сделал это слишком резко — как человек, который привык всё контролировать. Женщина была ниже, в кожаной куртке и резиновых сапогах. Она хромала — чуть-чуть, но заметно. И смотрела на мужчину так, будто он был виноват во всех её бедах.

— Два кофе, — сказал мужчина, подходя к стойке. — Американо и капучино с корицей.

— С корицей? — переспросила Зоя, запоминая. — Хорошо.

— И, пожалуйста, что-нибудь к кофе. У неё был тяжёлый день.

Зоя улыбнулась.

— Я принесу.

Она поставила чашки на поднос. Американо — мужчине. Капучино с корицей — женщине. Кусок морковного торта — посередине.

— У нас акция, — соврала Зоя. — Второй десерт бесплатно. Но вы должны разделить его пополам.

— Мы не вместе, — сказала женщина.

Зоя посмотрела на них. Мужчина сидел, откинувшись на спинку стула, скрестив руки. Женщина — наклонившись вперед, готовая к атаке. Между ними было сорок сантиметров стола и тонна недосказанного.

— Разумеется, — сказала Зоя. — Как скажете.

Она отошла за стойку. Села на высокий табурет. Достала дневник. И записала: «Дождь. Пришли двое. Она сказала, что он наглый. Они спорили о чём-то. Я соврала про акцию. Они купились. Кажется, они ещё не знают, что влюбятся. Но я уверена».

Она закрыла блокнот. Посмотрела на них.

Мужчина наконец улыбнулся — впервые за всё время. Женщина — тоже. Они смотрели друг на друга. И между ними что-то было. Что-то, что не читается в дневниках. Что-то, что нельзя записать.

— Это будет хорошая история, — сказала Зоя вслух.

Марк вытащил наушник.

— Что?

— Ничего, — ответила Зоя. — Просто мысли вслух.

Она снова открыла дневник. И дописала:

«P.S. Надеюсь, они будут спорить всю жизнь. Это лучший способ любить».

Глава 1. Пробы, которые пошли не по сценарию

Театр «Пятый угол» располагался в подвале старого доходного дома в историческом центре. Когда-то здесь была прачечная, потом — склад, потом — подпольный клуб, а теперь — экспериментальная сцена, где ставили всё, что не влезало в рамки академических театров. Зал на сорок мест, сцена-помост, вместо кресел — разномастные стулья, собранные по барахолкам. Пахло пылью, деревом и немного — краской.

Вера Крылова, театральный режиссёр, стояла в центре сцены, скрестив руки на груди, и смотрела на пустой зал. Ей было тридцать, и она выглядела так, будто спала часа четыре — не больше. Джинсы, растянутый свитер, волосы собраны в небрежный пучок, из которого выбивались пряди. На ногах — кеды, которые видели лучшие дни. Она не носила каблуки. Каблуки — это для тех, кто хочет казаться, а не быть. Молодая, дерзкая, только что поставила нашумевший спектакль и получила предложение возглавить экспериментальную сцену.

— Вера Андреевна, — раздался голос из-за кулис. — Он пришёл.

— Кто? — она обернулась.

— Березин. Артём.

Вера нахмурилась. Она листала его резюме вчера вечером и не впечатлилась. Сериалы, реклама, пара эпизодов в театре — и всё это десять лет назад. Потом — тишина. Ну, не совсем тишина: скандал, который она не стала гуглить, потому что сплетни её не интересовали. Ей нужен был актёр, а не биография.

— Пусть заходит, — сказала она.

Артём Березин вошёл в зал, и Вера сразу поняла две вещи. Первая: он был красивее, чем на старых записях. Не глянцево, журнальной красотой, а какой-то усталой, мужской, с налетом прожитых лет. Вторая: он не хотел здесь быть.

Он шёл по проходу между стульями, засунув руки в карманы пальто, и смотрел по сторонам с выражением человека, который уже видел сотню таких подвалов и ни один из них не стал для него домом.

— Здравствуйте, — сказал он, останавливаясь у сцены. — Березин.

— Здравствуйте, — ответила Вера. — Вера.

— Вера Андреевна?

— Просто Вера. Я не люблю отчества.

— Хорошо. Просто Вера. — Он усмехнулся. — А я — просто Артём. Можно без «Березин».

— Договорились.

Она прыгнула со сцены и подошла к нему. Ростом она была ему по плечо, но смотрела так, будто была выше.

— Вы знаете, что мы ставим? — спросила она.

— Что-то про сломленного мужчину, который молчит и страдает, — ответил он. — Мне сказали, вы ищете кого-то, кто умеет молчать.

— Умеете?

— Я десять лет молчу. С тех пор, как перестал сниматься.

— Почему перестали?

— Долгая история.

— У меня короткая память. Расскажите в двух словах.

Артём посмотрел на неё. Внимательно. С интересом.

— Я влюбился в жену режиссёра, — сказал он. — А она — в меня. Режиссёр узнал. Меня перестали приглашать. Конец истории.

— А жена?

— Ушла к другому. Через полгода.

— И вы её не вернули?

— Зачем? Если человек уходит дважды, это не любовь. Это привычка.

Вера молчала секунду. Потом кивнула.

— Хорошо. Начнём.

Она протянула ему лист бумаги.

— Это монолог. Герой — бывший лётчик. Он потерял экипаж. Теперь сидит в баре и не может выпить. Задача: сыграть так, чтобы я поверила.

Артём взял лист. Пробежал глазами. Отложил.

— Мне не нужен текст, — сказал он.

— Почему?

— Я его запомнил.

— С одного взгляда?

— Профессиональное.

Вера прищурилась. Она не любила выскочек. Но что-то в нём было. Что-то, что заставляло смотреть.

— Хорошо, — сказала она. — Импровизируйте. Представьте, что вы — он. Сломленный. Один. В баре. Ночь. Никого нет. Только вы и бутылка.

Артём отошёл к краю сцены. Сел. Спина ссутулилась. Руки безвольно повисли. Он смотрел в пустоту, и в этой пустоте вдруг появилось что-то. Что-то тяжёлое, тёмное, живое.

— Я не пью, — сказал он тихо. — Уже три года. Потому что если начну — не остановлюсь. А мне нельзя. Мне нужно жить. За них. За тех, кто не вернулся.

Вера замерла. Она смотрела на него и видела не актёра. Она видела человека. Настоящего. Сломленного. Но не сдавшегося.

Артём продолжал:

— Командир сказал: «Держись». Я держался. Я держал штурвал, пока они кричали. А потом стало тихо. Так тихо, что я слышал, как падают капли. Это была кровь. Моя. Их. Уже не важно.

Он поднял голову. И посмотрел прямо на Веру.

— Я выжил. Но иногда думаю: а стоило ли?

Тишина. Такая, что было слышно, как стучит сердце. Вера не двигалась. Внутри у неё что-то сжалось и не хотело разжиматься. Она знала, что это игра. Но игра была слишком настоящей.

— Хватит, — сказала она.

Артём моргнул. И снова стал собой. Усталым, циничным, с усмешкой на губах.

— Как? — спросил он.

— Вы приняты.

— Так быстро?

— Я не люблю тянуть. Репетиции начинаются завтра. В десять. Не опаздывайте.

— Я никогда не опаздываю.

— Посмотрим.

Он встал. Отряхнулся. Подошёл к ней.

— Кто вы? — спросил он, глядя ей в глаза.

— Я сказала: Вера.

— Это имя.

— Режиссёр. Этого достаточно.

— Нет. Не достаточно. Я работаю с людьми, а не с должностями. Кто вы, Вера?

Она замерла. Никто и никогда не спрашивал её об этом на пробах.

— Я — человек, который дал вам шанс, — сказала она, наконец. — Не упустите его.

Она развернулась и пошла к выходу из зала.

— Вера! — окликнул он.

Она остановилась.

— Что?

— Спасибо.

Она не обернулась.

— Завтра, — сказала она. — В десять.

И вышла.

Артём остался стоять в зале. Он смотрел ей вслед. И улыбался. Впервые за долгое время — искренне.

«Чёрт, — подумал он. — Кажется, я влип».

А Вера, поднимаясь по лестнице из подвала, пыталась унять дрожь в руках. Она не хотела признаваться себе, но этот человек — сломленный, дерзкий, слишком честный — уже пробрался под кожу.

«Это просто работа, — сказала она себе. — Просто работа».

Глава 2. Как сорвать первую репетицию за одиннадцать минут

Театр «Пятый угол» в десять утра выглядел как место, где ночевали привидения. Свет в подвале горел только наполовину — сэкономили электричество. На сцене стоял стол с гнутыми ножками, два стула и вешалка, на которой висело пальто. Пахло пылью, старым деревом и кофе, который Вера варила в турке тут же, за кулисами, на маленькой электрической плитке. Турка была медная, с погнутым носиком, и Вера относилась к ней как к священному артефакту.

Ассистентку звали Тася. Ей было двадцать три, и она свято верила в то, что искусство спасёт мир. Она носила очки в круглой оправе, постоянно теряла ручки и смотрела на Веру с таким благоговением, будто та была не режиссёром, а богиней. Тася пришла в «Пятый угол» три месяца назад, и с тех пор Вера не уставала удивляться её энтузиазму. Тася записывала всё: репетиции, разговоры, даже то, как Вера пила кофе. Однажды Вера заметила у неё блокнот с заголовком «Хроники подвала». Тася покраснела и спрятала его.

— Вера Андреевна, — сказала Тася, влетая в зал с планшетом, — он пришёл! Артём! Я его проводила. Он уже на сцене.

— Хорошо, — ответила Вера, не отрываясь от блокнота. — Пусть посидит. Мне нужно пять минут.

— Он... — Тася замялась. — Он странный.

— В каком смысле?

— Он спросил, где здесь можно купить нормальный кофе. Я сказала, что у вас есть турка.

А он сказал, что турка — это для туристов.

Вера подняла голову.

— Для туристов?

— Ага. И ещё сказал, что если бы он хотел пить растворимый, он бы остался в сериалах.

Вера усмехнулась.

— Ладно. Иди. Скажи, что я сейчас поднимусь.

Тася кивнула и убежала. Вера отпила кофе. Он был крепкий, с кардамоном — она иногда добавляла кардамон, чтобы взбодриться. Потом встала, одёрнула свитер и пошла в зал.

Артём сидел на краю сцены, свесив ноги. В руках он держал сценарий. Он не читал. Он смотрел в пространство с выражением человека, который решает, не уйти ли ему прямо сейчас.

— Доброе утро, — сказала Вера, подходя.

— Доброе, — отозвался он, не поворачивая головы.

— Вы рано.

— Я всегда рано. Привычка.

— Военная?

— Сериальная. На площадке нужно быть за час до съёмок, иначе гримёрша тебя убьёт.

А гримёрши — это единственные люди на свете, которых я боюсь.

Вера усмехнулась.

— Что вы думаете о тексте?

— Сырой.

— Это первый драфт.

— Я заметил. — Он наконец повернулся к ней. — Здесь есть сцены, где герой говорит то, что думает. Это скучно. Никто не говорит то, что думает. Люди говорят то, что безопасно.

— А вы?

— Я говорю то, что выгодно.

— И что вам выгодно сейчас?

— Понять, зачем я здесь. Потому что вы, Вера, не похожи на человека, который берёт актёра за три минуты.

— Может, я просто быстро принимаю решения.

— Может, вы просто не хотели искать дальше.

Она прищурилась.

— Это вы сейчас меня оскорбляете или проверяете?

— И то, и другое. Я многозадачный.

— Вы пришли на пробы. Я вас взяла. Всё просто.

— Просто? — Артём спрыгнул со сцены и подошёл к ней. — Вы меня взяли за три минуты. Не читая резюме. Не проверяя рекомендации. Не спрашивая, почему я десять лет не выходил на сцену.

— Вы сами сказали почему.

— Я сказал то, что хотел сказать. Правда может быть другой.

— Мне не нужна правда. Мне нужен актёр.

— Хорошо. Тогда давайте работать.

Он развернулся и пошёл обратно на сцену. Вера смотрела ему вслед. Внутри у неё что-то закипало. Она не привыкла, чтобы актёры проверяли её. Но она не подала вида.

Вера села на стул в первом ряду.

— Хорошо. Тогда давайте проверим вашу многозадачность. Тася! — крикнула она. — Иди сюда. Будешь записывать.

Тася выскочила из-за кулис с блокнотом. Она села в заднем ряду, стараясь быть незаметной.

— Начинаем, — сказала Вера. — Сцена вторая. Герой — в баре. Один. К нему подходит женщина. Она хочет понять, кто он. Он не хочет говорить. Играем.

— Кто женщина? — спросил Артём.

— Неважно. Она — функция. Она нужна, чтобы он раскрылся.

— Функция? — Артём усмехнулся. — Женщина — не функция. Женщина — это катастрофа.

— В данном случае — инструмент.

— Тогда я не буду играть.

— Почему?

— Потому что если я буду играть с инструментом, я буду инструментом. А я не хочу быть инструментом.

Вера встала.

— Хорошо. Тогда я сыграю с вами.

Тася ахнула.

— Вера Андреевна...

— Молчи, — отрезала Вера. — Пиши.

Она поднялась на сцену. Встала напротив Артёма. Между ними было полтора метра и холодный свет софита.

— Я — женщина, — сказала Вера. — Я подхожу к вам в баре. Вы сидите. Я сажусь рядом.

Она села на стул. Артём смотрел на неё.

— Начинайте, — сказала Вера.

Артём молчал. Секунду. Две. Пять.

— Вы не пьёте, — сказала Вера, импровизируя. — Почему?

Артём поднял на неё глаза. И вдруг его лицо изменилось. Глаза стали пустыми. Плечи опустились.

— Потому что я уже напился, — сказал он тихо. — Только не вином. Собой.

Вера вздрогнула. Она не ожидала такого ответа. Она ждала чего-то резкого, циничного. А он ударил по-другому. Мягко. Точно в сердце.

— С собой? — переспросила она.

— Я напился страхом. Одиночеством. Тем, что не могу вернуть. — Он смотрел прямо на неё. — Вы когда-нибудь теряли то, что нельзя вернуть?

Вера молчала. Она чувствовала, как подступает что-то, что она давно заперла.

— Я теряла, — сказала она. — Но не хочу об этом говорить.

— И я не хочу. Но мы здесь. В баре. И вы сели рядом. Значит, вам что-то нужно.

— Мне нужно понять, кто вы.

— Я — никто. Я — тот, кто выжил. И теперь не знает, зачем.

Вера смотрела на него. Она забыла, что это игра. Она забыла, что это сцена. Она видела только его глаза. И в этих глазах было что-то, что она узнавала. Знакомое. Больное.

— Стоп, — сказала она, вставая.

Артём остался сидеть. Он смотрел на неё. И улыбался. Не насмешливо. Просто.

— Что не так? — спросил он.

— Всё так. Слишком так. — Вера отвернулась, стараясь скрыть, что на глаза предательски навернулись слёзы. — Продолжим завтра.

— Завтра?

— Да. Мне нужно подумать.

Артём моргнул.

— Мы только начали. Режиссёр сбегает с репетиции через одиннадцать минут.

Вера замерла. Тася в заднем ряду перестала дышать.

— Вы... — начала Вера.

— Я очень внимательный, — сказал Артём. — Это профессиональное.

— Это наглость.

— Это честность. Вы сбегаете. Я это вижу. Вопрос: почему?

Вера сжала кулаки. Она ненавидела, когда её видели насквозь. Особенно — незнакомые мужчины с наглыми глазами и слишком точными наблюдениями.

— Потому что вы, — сказала она, чеканя каждое слово, — играете слишком хорошо. И это меня пугает.

Артём замер.

— Пугает?

— Да. Вы не просто играете. Вы живёте. А я не готова к тому, чтобы кто-то жил на моей сцене так... — она запнулась, подбирая слово, — ...так бесцеремонно.

Артём медленно улыбнулся.

— Это комплимент?

— Это диагноз.

— Тогда я приму его как комплимент.

Вера закатила глаза и спрыгнула со сцены. Она схватила свою сумку и направилась к выходу.

— Вера! — окликнул он.

Она остановилась.

— Что?

— Вы хорошая актриса.

— Я не актриса. Я режиссёр.

— Режиссёр — это тот, кто умеет видеть. А вы умеете чувствовать. Это редкость.

Она обернулась. Посмотрела на него.

— Вы невыносимы.

— Мне говорили.

— И что вы делали?

— Ничего. Я просто молчал. И люди уходили.

— А если не уйдут?

Он замер. На секунду. На мгновение. А потом улыбнулся.

— Тогда, может быть, я останусь.

Тася в заднем ряду перестала дышать. Она смотрела на них обоих и понимала, что стала свидетелем чего-то, что не было в сценарии.

Вера вышла из зала. Артём остался на сцене. Он смотрел на дверь, за которой она скрылась.

Тася подошла к нему. Она смотрела на него с восхищением и ужасом одновременно.

— Простите, — сказала она. — А вы... вы правда были женаты на жене режиссёра?

Артём посмотрел на неё. Потом рассмеялся.

— Нет, — сказал он. — Я никогда не был женат. Я придумал эту историю, потому что она звучит драматично.

Тася открыла рот.

— Но зачем?

— Затем, что режиссёры любят драму. А я люблю производить впечатление.

Он подмигнул ей и пошёл к выходу. У двери обернулся.

— Тася, вы ведёте дневник, да?

Тася покраснела.

— Это не дневник. Это... рабочие заметки.

— Ну да. — Артём усмехнулся. — Тогда запишите: «День первый. Режиссёр сбежала через одиннадцать минут. Актёр остался. Кто победил — неясно».

Он вышел.

Тася осталась стоять с блокнотом в руках. Она не знала, что записывать. Она не знала, что думать. Она открыла блокнот на чистой странице. И написала: «Вера Андреевна сбежала. Артём остался. Кажется, это начало чего-то. Не знаю чего. Но что-то будет».

Она закрыла блокнот. Посмотрела на сцену. На два стула, которые стояли слишком близко друг к другу.

— Это будет очень странный спектакль, — сказала она вслух.

И выключила свет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.